

Интервью с Юлией Михайловной БЕСПАЛОВОЙ

«В СОЦИОЛОГИИ Я ОКАЗАЛАСЬ И СЛУЧАЙНО, И НЕСЛУЧАЙНО»

Беспалова Ю. М. – окончила филологический факультет Тюменского государственного университета, доктор философских наук, профессор кафедры общей и экономической социологии этого университета. Основные области исследования: социология культуры, личности, качественные методы. Интервью состоялось в 2010-2011 гг.

Меня связывают с Юлией Михайловной Беспаловой несколько памятных встреч в Тюмени и Москве и регулярная переписка продолжительностью в шесть лет. Мне интересны проблемы, которыми она занимается, привлекают ее поиски в новых разделах социологии, своеобразна ее культура и система взглядов на российскую историю и современность. В суждениях Беспаловой я вижу переплетение Сибирского и Петербургского: глубокий интерес к классической русской литературе и классическому русскому театру и одновременно попытки разобраться в постмодернистских тенденциях в культуре и социологии. Она принадлежит к четвертому поколению советских/российских социологов, и многое в ней – типично для этой профессиональной когорты. Тем не менее, ее суждения показывают, насколько миры социологов детерминированы обстоятельствами, в которых они формировались как личности и профессионалы.

Беспалова Ю.М.: «В социологии я оказалась и случайно, и неслучайно»¹

Юля, так случилось, что наше знакомство возникло на базе общего интереса к изучению биографий и попытках понять биографический метод. Естественно, что в нашей переписке мы часто обращались к прожитому нами. Но все это больше охватывало период нашей профессиональной жизни. Давай сначала уйдем в начало, и даже не в твое... в то, что я называю предбиографией. Пожалуйста, расскажи о твоей большой семье, о родителях.

Семейная память нашего рода насчитывает пять поколений сибиряков.

Я принадлежу к уже пятому поколению. История моего рода – это история ряда российских противоречий, когда в нескольких поколениях одного большого рода, смешались православные, раскольники и иудеи, дворяне и сибирские некрепостные крестьяне, белые и красные, те, кто был за царя и против Великой Октябрьской социалистической революции и те, кто ее отстаивал, как наиболее справедливое возмездие против царского и капиталистического гнета. Смешались противники и защитники сталинского режима. Вся история российская и сибирская в нашем роде.

Мой прадед по матери встречался с Г. Распутиным, мой дед, Георгий Дмитриевич Беспалов работал под непосредственным руководством В.Блюхера, был участником Северного экспедиционного отряда, созданного для борьбы с белым движением. Командиром моего отца, Михаила Наумовича Зингера, во время обучения в тюменском военном училище, был будущий известный актер Евгений Матвеев.

Моя сибирская родословная началась с того факта, что прапрадедушка по матери Гавриил Герасимов приехал в Тюмень около 1870 года на лошадях из Смоленской губернии. Жена прапрадедушки – прапрабабушка Елена была дворянкой из рода Болотовых. Рано лишившись родителей, она вышла замуж за мещанина и поехала с ним в Западную Сибирь.

Из Интернета я узнала, что дворянский род Болотовых – это род священно – церковнослужительский. Интересно, что две сестры прапрабабушки, ставшие бесприданницами, ушли в монастырь. Бабушка вспоминала, что по просьбе ее бабушки Елены она писала письма в город Великие Луки, Холм, в Воскресенский женский монастырь, ее преподобию игуменье Палладии Болотовой.

После отмены крепостного права в России в 1861 году многие люди отправлялись в Сибирь в поисках лучшей доли. Отмена крепостного права коснулась как крестьян, так и дворян, владельцев крепостных душ. Многие из них, утратив в лице своих крепостных источник существования, разорались. Город Тюмень стоял тогда на пути переселенческого движения.

Род моего деда ведет начало от приуральских крестьян. Отец деда был линейным сторожем и жил в будке на железной дороге неподалеку от Тюмени. За участие в забастовке в 1905 году он был уволен с работы и переселился с семьей в Тюмень.

Моя мать, Лариса Георгиевна Беспалова кандидат наук, доцент, много лет была преподавателем Тюменского пединститута и Тюменского госуниверситета. Ею заложены основы преподавания литературного краеведения в высшей школе области. Мать – автор ряда книг об истории культуры края, многочисленных публикаций и остропроблемных выступлений на страницах периодической печати. В свои 87 лет она по-прежнему среди энтузиастов родного края, ее статьи нередко появляются на страницах научных журналов и газет.

1 Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 1–11.

Отец – родом из Белоруссии, из древнего города Полоцка, он участник Великой Отечественной войны, награжденный 7 орденами и множеством медалей. Среди его наград две медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней, а также ордена «Отечественной войны», «Красной звезды», «Трудового красного знамени», «Знак Почета», «Дружбы», «За заслуги». До 83 лет он проработал в региональной системе УВД. Написал несколько книг об истории ГУВД области и своих товарищах по работе. «Гордись, Юля, у тебя уникальный отец, его все знают и очень уважают», – постоянно говорят мне бывшие папины коллеги и ученики. На парадах, посвященных Дню победы, 9 Мая, папа на трибуне в военной форме с множеством орденов принимает парад, или, отдавая честь участникам парада, стоя едет на «военной» машине под Красным знаменем. Удивляет не потерявшаяся с годами его уникальная выправка.

Есть у меня и старшая сестра – Елена (родовое имя, как и мое имя – Юлия), которая живет в Санкт-Петербурге и работает в Политехническом университете, она кандидат наук, доцент.

Один очень личный и, возможно, трудный для тебя вопрос, но он естественен, когда обсуждаешь связь человека с прошлым его семьи. Летом 2010 года ты впервые была в Полоцке, искала следы семьи отца, погибшей там в годы оккупации. Что дала тебе эта поездка в эмоциональном плане и в твоём видении биографического метода?

Полоцк, один из древнейших городов в Белоруссии, – это трагическая страница нашей семейной памяти. Меня всегда интересовала история папиной семьи и родственников с папиной стороны. В середине августа 2010 года мы с мужем оказались в Полоцке. С помощью бывших тюменцев, теперь живущих в Полоцке, мы объездили места массовых расстрелов, еврейские захоронения, были на старом еврейском кладбище. Я также работала в библиотеке и основные сведения о папиной семье узнала из «Книги памяти». Папины отец, мать, сестра и младший брат были расстреляны фашистами в 1941–1943 гг. (один из старших братьев погиб на фронте под Ленинградом, а другой пропал без вести под Сталинградом).

На сегодня сохранился только один памятник мирным жителям Полоцка – жертвам фашизма – ученикам бывшей сталинской школы (теперь гимназии №1). В разных районах Полоцка в ямах лежат десятки и сотни тысяч безымянных людей, военнопленных, подпольщиков, партизан, мирных жителей, и среди них мои родственники.

Папа спасся чудом. Когда в конце июня мирные жители и войска отступали, он, его родители, младший брат и сестра шли вместе. Они прошли уже более 50 километров, когда папа попросился у своего отца пойти вместе со своими школьными товарищами и получил разрешение. Отец договорился с ним о месте встречи в городе Ленинграде, где жил его старший сын (все думали, что война скоро окончится и фашисты не пройдут далеко). Больше о своих родных мой отец никогда не видел. Почему и как они снова оказались в Полоцке – всю жизнь задает себе он вопросы.

В истории папиного рода ярко проявляется проблема личной судьбы и значение прошлого в индивидуальной биографии. Того прошлого, которое возвращается к нам часто очень дорогой ценой, но к которому мы постоянно обращаемся, чтобы обрести себя в настоящем.

Меня давно интересует, как люди, принадлежащие к семьям с глубокой историей, воспринимают свое место в этой структуре. Не можешь ли ты сказать что-либо по этому поводу? В частности, нет ли такого ощущения, что, став на сторону одних предков, скажем, «красных», ты в определенном смысле отгалкиваешь от себя других – «белых». Тем более, что в обществе за последние годы заметно изменилось отношение к обеим этим группам?

Мой прадед по матери, слушая черную тарелку радио, обычно говорил:

«Ну-ка, ну-ка, что там еще товарищи придумали?» Слово «товарищи» при этом он всегда произносил с едкой иронией.

Но мой дед, будущий муж его дочери, офицер-прапорщик царской армии, командир роты, в 1918 году вместе с ротой перешел на сторону Красной армии. Когда его спрашивали, почему он не остался у белых, дед отвечал, что его возмутило крайне жестокое отношение колчаковцев к сибирским крестьянам.

Отмечу, что Колчак установил в Сибири самый жестокий военный режим за всю историю Гражданской войны. Очевидцы вспоминали, что он и его атаманы устроили в городе Омске настоящую мясорубку, целые возы трупов провозились по городу. Множество убитых было и в Тюмени. Помогали Колчаку в установлении сурового режима чехи, их называли белочехами. Они же и сдали Колчака красным, пожелав вернуться в свою страну (красные поставили им такое условие для возвращения).

Тем не менее, зная такие противоречивые (сточки зрения современного прочтения отечественной истории) факты, я, как и другие мои родственники, никогда и никого из нашей семьи не «отталкивала». Мы могли только кому-то больше сочувствовать, в зависимости от личной симпатии. Есть история страны, а есть человек в истории, это связанные, пересекающиеся, но не идентичные вещи. Исторические крайности могут мирно сосуществовать в семейной памяти.

О том, что семейная память зачастую не тождественна памяти исторической, нередко более объективна, хорошо написал социолог А.Алексеев. Отмечу, что историческая память нашей страны часто формировалась (и теперь формируется) под влиянием социального заказа, политической конъюнктуры, ставки на вырванные из общего контекста, куски российской истории, поэтому она воспринимается «урезанной», неточной, неполной, оторванной от семейной памяти. Сохраненные семейные истории, даже по прошествии многих лет, могут стать основой для личностной интерпретации исторической памяти нашей страны, способствовать общественной информированности и пониманию.

Уважая семейное прошлое, я воспринимаю себя как некую «точку не подвижности» на семейном дереве, корни которого уходят в глубь веков, а ветви устремлены далеко в будущее.

И вот началась собственно твоя жизнь... что-то было важное, знаковое в совсем раннем периоде твоей жизни, до школы?

Важным было то, что я родилась в пространстве Западной Сибири. Место моего рождения – город Тюмень.

Я была ребенком в 1960-е. Помню редкие поездки с дедом на телеге, запряженной лошадей, частые прогулки с ним по лесу в теплый летний день, что было несказанным удовольствием...

Знаковость нашей территории, ландшафта и природы я постоянно ощущаю.

Живя в Тюмени, трудно не стать краеведом. По дороге в Тобольск – родное село Распутина, Тобольск – не только место заключения Николая II, но и родина Менделеева. Вблизи Тюмени – Ялуторовск, где отбывали ссылку многие декабристы. В годы войны в Тюмени находилось тело Ильича, и этот факт многие годы оставался тайной для советских людей... Что представлял собою город Тюмень до открытия в ваших местах нефти и газа и притока большого числа высоко образованной и интеллигентной молодежи из Европейской части страны?

В моем детстве Тюмень хлестко называли «столицей деревень». Такое отношение к городу вызывала знаменитая тюменская грязь, в которой, были такие случаи, намертво застревали люди и животные.

Тюмень имеет свою давнюю древнюю историю. Основана она в 1586 году.

Расположен город по берегам реки Туры при впадении в нее речки Тюменки.

Наш город, в древности Чинги-Тура (или Чимги-Тура), стоял на древнем водном торговом пути из Центральной Азии на Урал. Название Тюмень имеет ряд трактовок. Большинство ученых считают, что слово «тюмень» пришло из тюркского языка, где оно означало «10 тысяч воинов». Есть в тюркских языках и еще одно значение данного слова – «отдаленное место, провинция». В алтайском языке «Тюмен» означает «вниз» и «нижний». То есть Тюмень – это город в низовьях, вниз по течению. Это правильно, если смотреть со стороны Урала.

До сих пор происхождение названия города будоражит умы ученых. Есть версии, что «Тюмень» – это перешедший в название административный термин (в Средней Азии так называли небольшие территории, районы); или что Тюмень происходит от названия речки Тюменки, притока реки Туры.

Тюмень сегодня – слово женского рода, однако раннее название нашего города относилось к мужскому роду и склонялось, как слово «пельмень».

Гости Тюмени нередко спрашивают о том, есть ли у города свое «лицо».

Лицом Тюмени обычно называют место главной Тюменской площади, высокий берег Туры с видом на здания Гостиного двора, Музея и Монастыря. Я же считаю лицом города старинные купеческие постройки. К сожалению, их со временем становится все меньше и меньше. Тюмень – это, прежде всего, старинный купеческий город.

Предпринимательство началось в Тюмени с ямской службы, просуществовавшей здесь не одно столетие и сыгравшей значительную роль в хозяйственном освоении и развитии края. Город до сих пор сохраняет в себе дух сибирского старообрядческого предпринимательства.

Однако наибольшего развития тюменское предпринимательство достигло во второй половине XIX – начале XX вв. Сибирякам знакомы имена К. Высоцкого, П. Подаруева, И. Игнатова, Н. Машарова, А. Текутьева, И. Колокольникова, Н. Чукмалдина и др., которые боролись за открытие морского пути из Сибири – по Северному Ледовитому океану – в Россию и Европу, проектировали и создавали каналы Таз-Турухан и Карское море-Обь, проводили работу по соединению каналами рек для создания единой системы водоснабжения, строили водно-сухопутную дорогу от Оби до Печоры, железную дорогу Екатеринбург-Омск, проектировали железнодорожные пути для соединения российских рынков. Благодаря поддержке и средствам тюменских предпринимателей, получила развитие сибирская наука: был создан первый в Сибири университет, организованы и профинансированы научно-исследовательские экспедиции (Н. Норденшельда, Х. Даля, А.В. Григорьева, Бременского общества полярных исследований и др.). Оказывая поддержку любой инициативе в развитии науки, купечество выделяло средства на премии для исследователей, организацию научных выставок, издание научных трудов, поддержку преподавателей, учреждение стипендий и т.д. Купечеству Западной Сибири принадлежит заслуга в создании библиотек, музеев и типографий. Способствовала просвещению народа и торговля книгами. Впечатляющим подтверждением культуры тюменского купечества служили домашние библиотеки предпринимателей.

В советский период Тюмень стала сибирской глубинкой, где развивалось в основном сельскохозяйственное производство. В годы войны производственный потенциал города вырос за счет эвакуированных с европейской части страны предприятий. Стало расти топливное, деревообрабатывающее, машиностроительное производство, рыболовство. Новая страница в истории Тюмени и Тюменской области в целом началась с 1964 года, с открытия нефти и газа.

К концу XX века Тюмень вновь стала капиталистическим городом. Так, большая часть жилого фонда, организаций, промышленных предприятий находится в частной собственности.

К сожалению, сегодня тюменское предпринимательство обезличилось. Ярких имен почти нет. Если раньше главным делом предпринимательства было служение своему краю, то теперь, когда главным мотивом стал личный успех, выдающихся предпринимателей, готовых всеми силами помогать региону, почти не стало. В 2000-х годах тюменцы с удивлением узнали, что среди мировых долларовых миллионеров, четыре имеют отношение к нефти и газу Тюмени. Что оставалось моим землякам — порадоваться за их успех и понять, почему большая часть населения страны и региона живет ниже черты бедности.

Я допускаю, что и в школе, где ты училась, могли преподавать очень образованные люди со сломанными — как мы сегодня понимаем — судьбами. Так ли это? Расскажи вообще о твоих школьных годах?

Я окончила начальную школу, а затем поступила в среднюю школу №25, где в свое время учился талантливый певец Юрий Гуляев. В период моего обучения приоритетным предметом была математика. Она мне давалась туго, оценками в школьном аттестате я похвастаться не могу. Гуманитарные же предметы: литература, история и др. мне нравились и шли намного легче.

Мои школьные годы проходили в подготовке уроков, а также в посещении разнообразных кружков: танцевального, драматического, музыкальной школы и пр.

Насчет сломанных судеб учителей, сказать что-либо определенное не могу. Знаю, что мои учителя были в большинстве людьми, воевавшими или пережившими Великую Отечественную войну. Именно война трагическим образом повлияла на их судьбы: многие потеряли на войне близких. Говорили, что на глазах учительницы биологии фашисты уничтожили мужа и детей.

Вспоминаю с самыми добрыми чувствами моих учителей литературы, истории, английского языка, Елизавету Александровну Зубареву, Маргариту Леонидовну Осипову, Александру Ивановну Нохратову, учителя географии, астрономии и военного дела Ивана Герасимовича Дмитриченко и др.

Однако учителем от бога, обладающим редким талантом воспитателя, был физрук Геннадий Павлович Крюковский. Ради того, чтобы встретиться и поговорить с ним, бывшие ученики приходили в школу через много лет после ее окончания. Удивительно, что Геннадий Павлович знал и помнил по именам всех своих учеников, для каждого у него находились добрые слова, независимо от успехов на поприще физкультуры и спорта.

Прежде, чем мы начнем говорить о твоём движении в социологию и характере твоей профессиональной деятельности, как бы ты в целом охарактеризовала сферу своих научных интересов?

В образовании, преподавании и науке — филолог, языковед, этик, «научный атеист», философ, культуролог и социолог...

Долгий ряд, и социология в нем — замыкающая... начнем сначала... Что определило твой выбор филологии и языковедения? Где ты обучалась этим премудростям?

В 1972 году я поступила на филологический факультет Тюменского государственного университета, а в 1977 году с отличием его закончила.

Мои родители, как и я сама в то время, иного образования, чем русский язык и литература, для меня не представляли. Сколько себя помню, я постоянно читала. В нашей домашней библиотеке в то время уже было несколько тысяч книг. Повлияло на мой выбор и то, что моя мать преподавала в университете русскую литературу, а старшая сестра окончила этот вуз (тогда — педагогический институт) по специальности английская филология. Много позже, читая дневники деда и записки бабушки о

своём детстве, написанные в духе «наивного письма» (термин Натальи Никитичны Козловой), я с удивлением обнаружила явные литературные склонности их авторов. Отмечу, что философского или социологического образования в годы моего обучения в университете не было, они появились много позже.

Учиться на филологическом факультете было очень интересно. Многие мои преподаватели были людьми профессиональными, талантливыми, влюбленными в свое дело. Такой была преподаватель иностранной литературы, Нина Андреевна Шеломова, хорошо владевшая немецким и французским языками, состоявшая в переписке с известным писателем Генрихом Беллем (автором произведений «Бильярд в половине десятого», «Дом без хозяина», «Потерянная часть Катарины Блюм» и др.). Под ее руководством я написала дипломную работу о творчестве американского драматурга Артура Миллера. Готовя диплом к защите, я встретила с определенными трудностями. Критически высказавшись о СССР, Миллер мгновенно был выброшен из вузовских программ и репертуара советской сцены. Защитить диплом мне удалось, только разбавив текст Миллера рассуждениями о другой западной драматургии, а также изменив название работы. Лилия Поликарповна Овчинникова интересно преподавала античную литературу и литературу средневековья, Инна Вячеславна Володина высокопрофессионально учила нас методике преподавания литературы. Отличалась необыкновенной преданностью своему предмету, преподаватель старославянского и древнерусского языков Мария Алексеевна Романова: на студенческих практиках, посвященных сбору сибирского фольклора, диалектов и говоров, она самозабвенно сопровождала студентов в самые дальние западносибирские деревни, переплывая туда на лодке. Талантливо преподавали общее языкознание, методику преподавания русского языка, ономастику Валентин Иванович Безруков, Иван Иванович Саморуков, Николай Константинович Фролов. Курс советской литературы нам хорошо читал Лазарь Вульфович Полонский.

Наши преподаватели требовали от нас не только эстетического постижения предметов, а досконального знания текстов, внимания к деталям, чутя к языку. Моя мать преподавала на нашем курсе очень немного, но хорошо запомнилась моим однокурсникам «чувством экзаменационного ужаса», которое испытало не одно поколение филологов перед требовательным преподавателем русской литературы и литературного краеведения. Ее вопросом: «Что лежало под диваном Обломова?» — старшекурсники пугали новичков. «Не тапочки, а... пыль лежала под диваном Обломова!» — эту литературную деталь, как и многие другие, большинство студентов запомнило навсегда. Преподаватели учили нас не только поэтике художественного текста, а нацеливали на черный труд текстологов, исследователей литературы и языка.

И в настоящее время я считаю, что русская и советская литература, ярко рисуящие жизнь «униженных и оскорбленных» в разные времена российской истории, в плане изучения социальных настроений, отношения людей к социальным и экономическим реалиям, более «социологичны», чем некоторые современные теории, рассматривающие российскую жизнь в свете личного материального успеха и представляющие социологию как техническую дисциплину, обслуживающую бизнес и политические процессы.

Конечно, студенческие годы были не только постоянной учебой: были уборочные с «посиделками» под звездным вечерним небом и песнями под гитару, литературные вечера, танцы, походы в театр, обучение на факультете общественных профессий, где я выбрала пение, выступления с хором на университетских и городских концертах.

Безусловно, о социологии мы будем говорить много, но не могла бы ты сразу

пояснить, раскрыть, что стоит за «более социологична» и какие из современных теорий об устройстве российской жизни ты имеешь в виду?

Я говорю о роли русской и советской литературы для социологии, в том числе и о множестве точек соприкосновения литературы и социологии, которые, к сожалению, остаются незамеченными наукой. Будучи важным средством познания социальной жизни, отражая действительность, обращаясь к человеку, литература (как и искусство в целом) может опережать науку, раньше науки улавливать изменения в различных сферах жизни общества. Можно говорить об огромном значении литературы в плане «человековедения» и убеждаться в этом, читая деревенскую прозу или произведения городской литературы (В. Распутина, В. Солоухина, Ф. Абрамова, С. Воронина, В. Белова, В. Шукшина, В. Астафьева, Ю. Трифонова, А. Битова, Т. Толстую, Л. Улицкую, Л. Петрушевскую и др.). Антропоцентрический подход становится сегодня особенно актуальным и для социологии.

Я имела в виду и исследовательские способности искусства, возможности использования в науке информации, получаемой с помощью искусства, а, кроме этого, то целостное видение социальных систем, социальных настроений и надежд, которое свойственно непредубежденному, вневедомственному, не скованному запретами и стереотипами писателю.

К сожалению, российская социология до сих пор продолжает слепо копировать теоретические построения, рожденные на Западе, забывая проверить, как они работают на отечественной почве и работают ли вообще (таковы, на мой взгляд, теория среднего слоя, теория элит и т.п.). Печально то, что из-за ориентации некоторых ученых на сиюминутные заказы власти, а не на стратегические интересы российского большинства, продолжает хиреть социология труда, мало или почти не рассматриваются категории социальной справедливости, равенства, прогресса и т.п.

С моей точки зрения, основные недостатки состоят в том, что отсутствует опора на знание прошлого, нет идеологической ценностной составляющей, ориентирующей общество на прочные моральные критерии. Так, в основу своих теоретических построений большая часть ученых продолжает ставить критерии «успеха» в противовес критериям «служения».

Ты работала по полученной профессии?

По профессии «филолог» я работала около четырех месяцев в редакционно-издательском отделе Тюменского индустриального института (позднее нефтегазового университета), куда сразу же после окончания университета поступила на работу.

Так случилось, что меня пригласили работать сразу на две кафедры данного вуза: кафедру философии, заведующим которой был Федор Андреевич Селиванов (он преподавал в университете логику), и вновь образованную кафедру этики и эстетики, заведующим которой стал Владимир Иосифович Бакштановский.

Немного подумав, я выбрала кафедру этики и эстетики, т.к. решила, что она больше соответствует моему образованию. Я год проработала на этой кафедре младшим научным сотрудником, а затем стала преподавателем и поступила в аспирантуру. Мне очень повезло в том, что я оказалась на данной кафедре, там я встретила талантливыми учеными и знаковыми для меня людьми, оказавшими большое влияние на мою дальнейшую деятельность.

Чрезвычайно деятельный и инициативный, В.И. Бакштановский, создал в Тюмени школу прикладной этики. Он защитил в начале 80-х докторскую диссертацию о рациональных основаниях морального выбора личности, и в дальнейшем концепция морального выбора личности была включена им в доктрину этики успеха. Бакштановскому принадлежит также разработка теоретико-методологических основ гуманитарной экспертизы и консультирования, в которых особое место занимают

методы игрового моделирования нравственно значимых позиций и ситуаций. Сегодня он — автор ряда трудов по этике, возглавляет НИИ по прикладной этике в Тюменском государственном нефтегазовом университете и является редактором университетского научного журнала «Ведомости».

Кафедра этики и эстетики была в 80-х — 90-х годах центром общественной науки в Западной Сибири. Владимир Иосифович талантливо организовывал всероссийские и региональные конференции, многодневные деловые игры, в которых участвовали ученые-обществоведы — философы, социологи, этики, историки, а также журналисты, деятели культуры и практики. На конференциях обсуждались вопросы перестройки как ситуации морального выбора, «точек роста» современного знания об обществе, морали и воспитания, специфики этического знания, его роли в нравственном поиске нашего времени, создавались «банки идей» развития российской общественной науки и этики.

Результатом этой работы были многочисленные публикации: монографии, учебные пособия, сборники научных и журнальных статей, практикумы по этике. Для нас — молодых специалистов, действовали «школы молодых ученых» в Москве, Минске, Тбилиси, мы проходили научные стажировки в крупных городах России.

Пользуюсь случаем рассказать и о других западносибирских и российских ученых, с кем мне посчастливилось встретиться и работать.

Сегодня в некоторых научных статьях о советских обществоведах нередко пишут как о «чужих», стоящих на пути «истинного» научного прогресса. Как будто, сами пишущие не являются наследниками отечественной науки. А вы-то кто? Хочется иногда задать вопрос некоторым авторам. Сегодня надо осознать, что требуется уделять значительно больше уважения и к национальной истории, и к национальной общественной науке, и к представляющим ее именам. Для того чтобы наука развивалась, необходимо создавать и оценивать ее прошлое. Прошлое же науки — это в первую очередь значимые имена, они придают науке смысл, делают ее «живой».

В памяти науки заключено огромное количество важной информации, хотя и неиспользуемой в данный момент. Ряд научных систем, фрагментов мировоззрения могут лежать “невостребованными” в течение длительного времени. Тем не менее, когда появляется насущная потребность, в нужный момент распечатывается соответствующая кладовая памяти. Ключами же к данным кладовым являются имена ученых.

Федор Андреевич Селиванов — «патриарх» тюменской философской школы. Под его руководством кафедра философии тюменского индустриального института стала «кузницей» региональных кадров. Из стен данной кафедры вышли многие способные ученые-обществоведы.

Николай Дмитриевич Зотов-Матвеев (1937 — 2006) — самобытный сибирский ученый, философ и этик, знаток поэзии и литературы. Его талантливые философские и этические эссе, которые он произносил на защитах диссертаций, надо было бы записывать. Зотов одним из первых заметил, что из науки и образования постепенно вымывается их глубинный гуманный и гуманитарный смысл. «Кругом одна информация, информация, информация... все словно опьянели от этого слова... Плодить уродцев стали, людей совершенно ущербных... Какие грехи связаны с образованием прямо? Я считаю, что образование есть от-влечение, (от-волочение от чего-то главного), раз-влечение (раз-волочение на части), у-влечение (у-волочение за чем-то одним). Сегодня мы ставим вопрос о взаимоотношении образования и духовно-нравственного воспитания. Я смотрю на эти вещи мрачно, потому что образование воздействует на духовно-нравственное воспитание вредоносно. То, что было для науки и техники прогрессом, стало глубоким регрессом для человеческого бытия...», — отмечал он [1].

Слушая аргументации «вечных» спорщиков в области методологии и методики науки, Николай Дмитриевич говорил: «Представьте каждый в своей руке горсть опилок, а затем бросьте эту горсть перед собой. Вы увидите, что, разлетаясь, опилки образуют рисунок. Каждый рисунок из опилок, если он у вас получился, по-своему красив и своеобразен. Но все ваши рисунки разные. Точно так же, как и рисунок из опилок, повторить в точности методический прием невозможно, да и не имеет смысла». Он считал, что творческие исследовательские подходы всегда пронизаны индивидуальностью, а иногда и неповторимы.

Даже сам вид Николая Дмитриевича говорил об его «неангажированности», он постоянно и везде ходил со старым рюкзаком, говоря, что так ему удобнее.

Юрий Михайлович Федоров (1936–2001), талантливый русский философ, социолог и социальный психолог, автор «троекнижия» «Сумма антропологии» (изданного в Новосибирске, в издательстве СО РАН в 1994, 1995 и 2000 гг.) и предложивший субъектоцентристскую концепцию развития истории и общества, человек незаурядного ума. В конце 80-х его прикладные разработки, сделанные в Азербайджане, призваны были помочь стабилизировать ситуацию в стране, но они не были востребованы. Он был еще и тонко чувствующим поэзию переводчиком, переводившим современных польских поэтов и среди них особо восхищавшийся слепым Анджеем Бартынским, с которым постоянно переписывался.

Отмечу, что Н.Д. Зотов и Ю.М. Федоров были соратниками В.И. Бакштановского в научных поисках, однако они выступали его последовательными оппонентами, высказывая свою точку зрения на развитие морали и этики.

Владимир Петрович Парубочий (1938–2006) – талантливый специалист в области эстетики, его лекции в университете марксизма-ленинизма привлекали множество слушателей. Клара Григорьевна Барбакова (в свое время также работавшая на кафедрах философии и этики и эстетики), создавшая региональную социологическую школу в Тюмени, ставшая впоследствии создателем и первым ректором одного из тюменских вузов. В самом начале 90-х в Тюмень приехал социолог, Геннадий Филиппович Куцев, создавший вторую региональную социологическую школу и в течение ряда лет возглавлявший Тюменский государственный университет.

На конференциях, школах молодых ученых и просто в жизни, я нередко встречалась (а со многими была знакома лично) с ведущими учеными, философами, этиками и социологами, «патриархами» общественной науки и более молодыми ее представителями. Назову Александра Ивановича Титаренко, Леонида Михайловича Архангельского, Генриха Степановича Батищева, Игоря Семеновича Кона, Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, Гела Дементьевича Бандзеладзе, Владимира Анатольевича Блюмкина, Владислава Николаевича Шердакова, Юрия Вагановича Согомонова, Валерия Николаевича Сагатовского, Феликса Никитича Щербака, Эльдара Владимировича Соколова, Валентина Николаевича Коблякова, Виктора Тимофеевича Ганжина, Светлану Николаевну Иконникову, Владимира Тимофеевича Лисовского, Елену Эмильевну Смирнову, Рубена Грантовича Апресяна, Елену Леонидовну Дубко, Ольгу Прокофьевну Зубец.

Многих из них уже нет с нами. Однако эти ученые до сих пор являются для меня ИМЕНАМИ, много сделавшими для развития отечественной общественной науки. Они задавали основные акценты общественной теории, способствовали тому, что советская наука имела богатое, разнообразное содержание, далеко выходящее за рамки господствовавшей и в обществе, и нередко в головах самих ученых, идеологии.

Кандидатскую диссертацию по философии на тему: «Морально-деловые качества руководителя социалистического коллектива: характеристика, пути формирования» (руководитель В.И. Бакштановский), я защитила в 1984 г. в ЛГУ им. А.А. Жданова, в диссертационном совете по этике. Я была соискателем кафедры

этики, которой заведовал тогда Владимир Георгиевич Иванов. Он — «человек-солнце». На лице Владимира Георгиевича обычной была доброжелательная улыбка, а в характере чувствовались теплота и человечность ко всем без исключения людям, в том числе к аспирантам и соискателям. Мне приходилось бывать у него дома. Я хорошо помню маленькую «двушку», которая ломилась от книг, и в которой негде было присесть, а Владимир Георгиевич и его жена всегда гостеприимно угощали нас чаем. Владимир Георгиевич, уже тогда известный ученый, был остроумным и живым собеседником, писал юмористические стихи. После защиты он вручил мне как подарок свою книгу «История этики средних веков» с такими стихами:

«Развевая мрак средневековья
Настало утро Возрождения...
В твой день Победы
Я, с любовью,
Вручаю это сочинение...
...Сибири дальней сторона
Недаром этикой славна...
Средь дивных звезд
Страны Полночной
Твои сверкают ярче очи
И звонче пламенная речь-
Тебе наследие беречь!..»

Среди преподавателей кафедры этики были и такие известные в науке имена как Моисей Самойлович Коган, Надежда Вениаминовна Рыбакова.

Хорошо помню очень яркого в жизни и в науке М.С. Когана. Готовя кандидатскую диссертацию, а позднее и докторскую, я много времени проводила в Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Там я постоянно видела Когана. Когда он появлялся в читальном зале библиотеки (выглядел Моисей Самойлович очень импозантно), к нему, как на огонек, слетался «сонм бабочек» — аспирантов и аспиранток. И он со всеми беседовал, учил, помогал.

Огромное значение для меня имело одобрение моей работы суровой Н.В. Рыбаковой. Я ее очень боялась, т.к. говорили, что Рыбакова за версту чуует фальшь и «порубила» немало лихих аспирантских голов. Мою работу ей дали на рецензирование, когда она была уже тяжело больна и лежала в больнице. К моей радости, Надежда Вениаминовна мою диссертацию одобрила и дала замечания, которые очень помогли мне в дальнейшей работе.

Судя по названию темы и зная некоторые идеи В.И. Бакштановского, я думаю, что твоя работа была в определенной степени социологической. После кандидатской у тебя была возможность продолжить философско-этические исследования или подойти ближе к социологии. Ты избрала второй путь... как это произошло?

В социологии я оказалась и случайно, и неслучайно (так как всерьез считаю, что случайного в природе и в обществе нет). Среди моих коллег-обществоведов было немало социологов. В то время, о котором я пишу, т.е. 80-е — 90-е годы, западносибирские обществоведы работали нередко сообща, творческими коллективами, резкого деления на направления не было, так как многие научные темы были взаимосвязаны. И мне приходилось участвовать в социологических исследованиях.

Свою докторскую диссертацию на тему: «Ценностные ориентации западносибирского предпринимательства второй половины XIX — начала XX вв.: становление и развитие (на материалах второй половины XIX — начала XX вв.)», которая внутренне стала для меня продолжением моей прежней работы, я защитила в 1999 году по специальности «Социология духовной жизни». Помогала мне в выборе темы исследования и была моим консультантом по диссертационной работе

петербургский ученый, Светлана Николаевна Иконникова.

Диссертацию я начала писать в 1994 году. В этом году я находилась на пятимесячных курсах повышения квалификации в Республиканском гуманитарном институте при Санкт-Петербургском государственном университете. Отмечу, что в настоящее время данные формы повышения квалификации признаны архаичными. Я не могу с этим согласиться. В основе системы повышения квалификации обществоведов лежала концепция поступательного роста специалиста на всем протяжении научной и практической деятельности. Сегодня же реализуются новые «рыночные» формы обучения регионов через, так называемых, “гостевых ученых” или «гостевых профессоров». Не умаляя значимости известных в науке имен, можно высказать сомнение в том, что они часто посещают российскую глубинку.

Решение писать докторскую диссертацию пришло ко мне быстро. Посмотрев на серый, перестроечный город, с множеством нищих на улицах и в центре, на Невском проспекте, я решила, что самым приятным для меня местом будет знакомый мне с давних пор читальный зал Публички. Тема диссертации пришла ко мне сама. Иркутский социолог, научной темой которой было исследование шаманских традиций, как-то загадочно сказала мне: «Тема своего автора всегда найдет и притянет». Возможно, что и так. Однако, поскольку моя прежняя диссертация была связана с «деловым человеком», я решила снова писать о деловом человеке, но в несколько ином ключе. На мой выбор повлияло и то обстоятельство, что моя мать открыла для регионального литературоведения имя сибирского купца, просветителя и литератора — Н.М. Чукмалдина.

Занявшись западносибирскими предпринимателями, я решила реконструировать экономическую и духовную жизнь российского общества и установить преемственную связь в ценностных ориентациях прошлых и современных предпринимателей. Работ по данной теме не было, хотя было известно, что издавна выделялись четыре основных типа или профиля российской деловой культуры: центральный, северо-западный, южный и восточный — сибирский.

Я выступила с докладом на семинаре, который вела С.Н. Иконникова, и получила одобрение руководителя и слушателей. Несколько позже тема моего исследования была утверждена на заседании ученого совета Республиканского гуманитарного института.

Готовя диссертацию, я много работала с архивными документами, с газетными, литературными, научными источниками, опрашивала экспертов. Однако основным методом работы был качественный — биографический, с помощью которого я рассматривала реализацию экономических, социально-политических, правовых, нравственных, эстетических, художественных и региональных ценностей в деятельности ведущих предпринимателей Западной Сибири (М.К. Сидорова, А.М. Сибирякова, Н.Д. Машарова, А.И. Текутьева, И.П. Колокольникова, К.К. Шешукова, П.И. Подаруева, Ф. Колмогорова, Н.М. Чукмалдина, И.И. Игнатова и др.).

Мне приходилось использовать и другие качественные методы исследования, например, изучать не востребованные ранее тексты, в том числе, имеющие служебный характер (письма, записки, предпринимательские счета).

Сегодня о качественных методах, в том числе и о визуальных методах социологических исследований (визуальной социологии), много говорят и пишут. Мне же пришлось идти своим путем: я вспомнила о методе изучения римской культуры по скульптурным портретам выдающихся людей, в которых красноречиво выражались их нравственные качества. Портреты римлян, сделанные из камня, ясно показывали как доблесть, патриотизм и силу духа в начале римской истории сменили тщеславие, коварство и пороки — в ее конце.

Мне пришлось в голову применить аналогичный метод качественного исследования

и сравнить содержание фотографий, надписей и рисунков на могилах предпринимателей прошлого и настоящего времени, для того, чтобы понять, прервалась ли связь, между ценностными ориентациями прошлого и современного предпринимательства. Изучив визуальные данные, я убедилась в принадлежности предпринимателей прошлого и настоящего к разным социальным слоям. Если на могильных плитах предпринимателей конца XIX – начала XX вв. сохранились надписи и рисунки, ясно говорящие об уважении сограждан и просветительских заслугах купечества, то в ряде фотографий, рисунков и надписей на современных могилах можно было явственно увидеть атрибуты силы и власти, говорящие о прошлой криминальной деятельности людей, позиционировавшихся в обществе как предприниматели.

О ценностных ориентациях предпринимательства прошлого я писала выше. Ответ же о перспективах возрождения социально и нравственно ответственного предпринимательства в Западной Сибири для меня остается открытым. С моей точки зрения, возрождение ценностей предпринимательской культуры возможно лишь в том случае, если современная Россия найдет путь развития, соответствующий особенностям ее экономики, социальной структуре общества и менталитету основных этносов.

Не встречались ли тебе работы по крупному российскому предпринимательству, выполненные еще в дореволюционное время? Если такие работы были, расскажи немного о них.

Да, встречалась. О российском предпринимательстве писали такие известные авторы, как П. Бурышкин («Москва купеческая»), В. Гиляровский («Москва и москвичи»), а также американский ученый Р. Пайпс («Россия при старом режиме»), утверждавший, что развитое предпринимательство в России было в большинстве старообрядческим. Автор доказывает, что самые многочисленные и лучшие образцы промышленной деятельности показали российские купцы, которые либо вышли из среды староверов, либо ощутили на себе их большое влияние.

О западносибирском предпринимательстве писали такие видные дореволюционные исследователи Сибири, как В. Андриевич, П. Словцов, Н. Ядринцев, А. Щапов. Они отмечали необыкновенное развитие в Западной Сибири промышленного и торгового класса. Ученый-демократ А.П. Щапов обратил внимание на то, что склонность к предпринимательству поощряло семейное воспитание в Сибири. Характеризуя сибирскую семью, он отмечал, что отцы в Сибири “большей частью любят тех сыновей, которые с ранних лет обнаруживают большие буржуазные наклонности и приобретательские способности” [2].

Назову еще дореволюционных авторов, в чьих работах рассматривались ценности западносибирского предпринимательства – это Н. Абрамов, К. Голодников, П. Головачев, К. Носилов, А. Мелких, И. Левитов, С. Шарипов и др.

“Здесьнее купечество гораздо образованнее русского, более податливо на общественные дела”, – говорил о западносибирских купцах Н. Абрамов [3].

О купечестве Западной Сибири писали и иностранцы, например А.Глейнер, его работа называется «Сибирь - Америка будущего», а также французский исследователь К.Оланьон, написавший книгу «Сибирь и ее экономическая будущность».

Оланьон отмечал: “Сибиряк-купец похож на своего собрата в коренной России. Но самое происхождение его, затрудненность путей сообщения и другие жизненные препятствия, которые приходилось ему преодолевать, сделали его более самостоятельным, может быть, более смышленным и энергичным, а иногда и более предприимчивым...” [4].

Дореволюционные исследователи обращали внимание и на склонность к предпринимательству сибирской женщины. Многие сибирские промыслы находились

в руках женского населения, и достатки скапливались в женских руках (об этом можно прочесть, например, в работе Л. Скалозубова «Из поездок по Тобольской губернии в 1895 г.»).

Старообрядческое предпринимательство исследовали такие дореволюционные российские и западносибирские писатели и ученые, как Н. Костомаров, А. Шапов, Н. Ядринцев, П. Головачев, И. Завалишин и др.

Есть работы о западносибирском предпринимательстве, которые написаны самими предпринимателями. Назову книги крупного западносибирского, а затем московского купца Н. Чукмалдина, — «Мои воспоминания», «Записки о моей жизни», публицистические заметки «Письма из Москвы» (часть его работ была переиздана в наше время [5]).

Как вмещалась революция 1917 года в жизнь основной части западносибирского предпринимательства, их семей? В ценностных синдромах кого — директоров крупных промышленных структур при советской власти или владельцев современных крупных бизнесов — обнаруживается больше сходства?

Известно, что первыми из предпринимателей России поддержали революционное движение старообрядцы (причины крылись в общественной дискриминации староверов, двойном налогообложении, церковных притеснениях). Основывая гигантские промышленные предприятия, накапливая миллионные состояния, старообрядцы открыто помогали тем, кто впоследствии уничтожил их как класс.

С начала революции в регионе начала нарастать агрессивность беднейших слоев населения по отношению к «буржуям». В Тюмени производились обыски купцов. Возвращавшиеся с фронта солдаты, выступали в роли агитаторов, настраивая крестьян против торговцев и зажиточных односельчан. На тюменскую буржуазию была наложена двухмиллионная «контрибуция»:

Были случаи, когда проводились аресты и расстрелы предпринимателей без суда и следствия. Первые документы Советской Власти в Тюмени хорошо передают обстановку того времени:

«Приказ № 5 Коменданта города Тюмени по охране революции

Объявляю для сведения буржуазии города Тюмени:

а) до моего сведения доведено, что буржуазия принимает меры к выезду из города, вывозя свое имущество.

Предупреждаю, меры все приняты:

б) буржуазия, попытавшаяся выехать без разрешения, будет расстреляна беспощадно.

в) При том, доведу до сведения — ввожу буржуазии круговую поруку — за каждого скрывшегося будет расстреляно десять.

Комендант города Тюмени Владимир Шебалдин.

Начальник штаба Новиков.

Адъютант Шуравлев» [6].

В этих условиях предприниматели вынуждены были срочно покинуть дома и, если это было возможно, бежать за границу (сегодня нередки случаи переписки потомков предпринимателей с региональными краеведами, есть факты, когда родственники предпринимателей помогают ставить памятники своим предкам, а их наследники даже претендуют на сохранившиеся купеческие дома).

На вопрос о сходстве в ценностных ориентациях предпринимательства прошлого с руководителями крупных промышленных предприятий советского времени или организаторами крупного бизнеса, должна сказать, что большого сходства мною не замечено.

Основой ценностных ориентаций западносибирского предпринимательства

было просветительство (а не только благотворительность, как пишут некоторые исследователи). К просветительской деятельности относится борьба предпринимателей за культурное развитие Сибири, постройка Северного морского пути, железной и сухопутных дорог. Однако центральное место в просветительской деятельности предпринимателей Западной Сибири занимает становление сибирского образования и науки. Это создание школ и других учреждений, которые помогали сибирякам получать образование. Западносибирские предприниматели выступали и как ученые, они оставили данные, важные для наук, изучающих Сибирь (работы Сидорова и Сибирякова по освоению Северного морского пути, их наблюдения о природных и минеральных богатствах Севера, о быте, обычаях, этнических и религиозных особенностях народов Сибири и др.).

За годы социализма в советской культуре сложился ряд ценных форм хозяйственной деятельности. Моделями делового человека стали стахановцы, ударники труда, выдающиеся администраторы-управленцы, талантливые производственники, представляющие собой особый склад делового человека советской эпохи.

Советская власть делала ставку на трудовой героизм, бескорыстное служение победе “общего дела”, что, однако, не оставляло места для развития культуры повседневного труда и личной предпринимательской инициативы.

В ценностных же ориентациях крупного современного предпринимательства просветительство и благотворительность, как, впрочем, и бескорыстное служение общему делу, обнаруживаются довольно слабо.

Мы знаем, что формирование крупного предпринимательского слоя происходило у нас, в силу обстоятельств, скоротечно и не на базе естественной конкуренции, а путем искусственного и случайного превращения в предприниматели представителей бывшей номенклатуры, комсомольских, научных работников, а также за счет выдвиженцев из полукриминальной среды. Значительное влияние на предпринимательскую карьеру оказывали сети личной поддержки избранных со стороны представителей власти (что базировалось на теневых интересах).

Все это привело к тому, что крупный бизнес не просто игнорирует национальные интересы, а, наоборот, за исключением немногих его представителей, реализует свои частные интересы за счет национальных.

Ты заметила мимоходом, в скобках: «случайного в природе и в обществе». Оставим в стороне природу, поговорим об обществе и человеке. Скорее всего, ты имела в виду роль судьбы – темы обозначенной в твоей книге о западносибирских предпринимателях. Есть ли, по-твоему, здесь предмет для секулярного обсуждения или здесь действует Божья воля?

Такой предмет, конечно, есть. Судьба для меня – это, прежде всего, жизнь целостная, понятая во взаимосвязи поступков и происшествий, объединяющая внешнюю событийную сторону жизни, а также внутреннюю духовную сторону. Судьба включает метания души и духа, взлеты и падения, сомнения, колебания, радости и драмы, которые не совпадают с биографической стороной жизни. Кроме того, судьба человека – это часто жизнь законченная, свершенная.

В книге я писала об именах, биографиях и судьбах западносибирского предпринимательства. О социальной роли имени я говорила выше, когда вспоминала о своих учителях. Термины же биография и судьба оказались для меня, как для исследователя, неравнозначными.

Задуматься на тему судьбы меня заставил факт, с которым я встретила, изучая биографию Н.М. Чукмалдина. Он умер в 1901 году за границей, в Берлине, куда уехал лечиться. Он мог бы быть похоронен с почестями в Москве, однако завещал похоронить себя в родной деревне Кулаковой, расположенной близ Тюмени, где родился и вырос,

и которую описал в своих книгах. В Кулаковой на средства Чукмалдина была построена красивая церковь. Когда тело предпринимателя привезли в Тюмень, крестьяне, жители деревни, несли его гроб через весь город на руках. За городом, они, хотя и водрузили гроб на катафалк, выпрягли лошадей и везли его на себе до самой деревни. Старожилка Кулаковой вспоминала, что при церкви был построен «приклад», куда и поместили гроб Чукмалдина. Гроб был до половины закрыт стеклом, так что умершего было видно по грудь. Он лежал, как спал. Все удивлялись, что тело так хорошо сохранялось. Кулаковцы говорили, что из гроба был выкачан воздух, поэтому тело не разлагается.

Судьба останков Чукмалдина была драматичной. В самом начале 30-х секретарь сельсовета и двое кулаковских активистов занялись перезахоронением останков предпринимателя. Они с трудом разбили гроб, вытащили тело Чукмалдина, притащили к вырытой на кладбище яме и сбросили туда.

События, которые произошли вскоре, дали кулаковцам повод говорить, что судьба послала возмездие за святотатство. Этим же летом у активистки, которая ногами пинала тело предпринимателя в яму, утонула в реке Туре 17-летняя дочь. Ее затащило в глубокую яму, из которой раньше брали песок. Утонувшую девушку долго искали, а когда нашли, она почти разложилась. Тело ее сильно разбухло, положить в гроб его было невозможно. Так и похоронили девушку без гроба. Мать очень убивалась по дочери, сильно плакала.

В настоящее время останки Чукмалдина не найдены. Однако его имя знают и помнят в Сибири. Построенная им в Кулаковой церковь, восхищающаяся прекрасной архитектурой, сегодня полностью восстановлена.

Как видно из вышеизложенного, границы судьбы человека часто не совпадают с границами его биографии. Судьба может быть связана с теми началами, которые не вмещаются в биографию и жизнь, она может быть длиннее или короче жизни, может стать судьбой-мифом или судьбой-легендой.

Сменим немного тему и поговорим о дне сегодняшнем... В журнале «Социологические исследования» регулярно публикуются статьи о развитии социологических исследований в российских регионах. Чтобы ты сказала на эту тему? Оправданно ли говорить в целом о «столичной» социологии и провинциальной?

В журнале «Социологические исследования», а также и в других социологических журналах, нередко публикуются статьи тюменских авторов, посвященные региональным проблемам: анализу и реализации управленческих решений, деятельности органов государственной власти и муниципального управления, территориальной целостности и единству области, устойчивому развитию региона, особенностям молодежной политики в Тюменской области и др.

С тем, что современная российская социология не едина, а разделилась на «столичную» и «провинциальную», я неожиданно встретилась на III Всероссийском социологическом Конгрессе (Москва, октябрь, 2008). Свое отношение к происходившему на Конгрессе, я выразила в отзыве, который назвала «У каждого свои встречи в метро...».

Внимательно прочитав программу Конгресса, я увидела, что названия мероприятий повторялись, т.е., по сути, одинаковые встречи проводились в разных местах. Столичные коллеги легко ориентировались в ранговых, научных и околонаучных мероприятиях. Региональному же ученому, не знающему подводных течений в научном сообществе, нелегко было сориентироваться, куда идти и в чем участвовать.

Многое на данном Конгрессе говорило об отсутствии единства в социологическом сообществе, разделении его на противоположные, а иногда и враждующие группы. Призывы к консолидации перекрещивались со взглядами, свидетельствующими о

крайней бескомпромиссности и конфронтации. К корифеям науки уже не относились как к корифеям. Было немало ненужного самомнения и не смягченных резкостей.

На Конгрессе, за исключением нескольких имен, почти не давали слова социологам из регионов. Их мало слушали, к ним мало обращались и в основном упрекали в непрофессионализме.

Не желая вступать в противоречия, в большинстве не понимая их скрытой сути, ученые из глубинки, будучи членами трех крупных социологических объединений одновременно (Российского Общества Социологов – РОС, Российской Социологической Ассоциации – РОСА и Союза Социологов России – ССР), вели себя по отношению к взрывной части сообщества так, как сказано в известном стихотворении В. Долиной:

«Не приближаясь, стороной иду по кромке,
По самой кромке от взрывной его воронки...».

Тем не менее, помогать профессиональному становлению региональных ученых почти никто из столичных ученых не стремился, не стремится и сегодня.

Посещают регионы в настоящее время в большинстве «дельцы» из столицы, перехватившие либо в Москве, либо у местных заказчиков, средства на региональные исследования. Работая по трафаретным схемам, не зная и не желая знать насущных конкретных региональных проблем, под маркой профессионализма они используют провинциальных коллег, в основном, для черной «полевой» работы.

Не могу не отметить, что сегодня не только в социологии, но и в других сферах, вновь начала муссироваться тема передовой «столичности» и недалекой «провинциальности». Как писал Виктор Астафьев: «Если по старинному, благостно тихому, архитектурными памятниками украшенному городку идет человек с вольно распахнутой волосатой грудью и на пузе у него болтается фотоаппарат или серенькая кинокамера, напоминающая птаху с клювом, если на лице этого человека царит гримаса пресыщенности, походка у него вальяжно-усталая, говорит он, как ему кажется на свежайшем остроумно-ехидном жаргоне... кривит губы, глядя на все местное: «Вот когда я был в Варне, в Баден-Бадене, то там...», – это он, столичный житель, отдыхает на российских просторах... Иной столичный житель присвоил себе право считать себя почти голубых кровей породой или нацией, и на этом основании желающий получать все лучшее, свежее поперед остального народа...» [7].

Несомненно, надо организовывать поездки ведущих социологов из столицы по провинциальным университетам. Надо прямо сказать, что в провинции есть серьезные трудности с квалифицированными преподавательскими кадрами. Можно и надо финансировать дистанционное обучение, записывая курсы лекций лучших столичных преподавателей на видеокассеты. Нужно разработать специальную программу поддержки и развития провинциальной социологии. Однако этой работы в полном объеме пока не проводится.

Ты пришла в социологию, имея базовое филологическое образование, и относишься к тому поколению, среди которого мало кто имеет социологическое образование. Ты хорошо знаешь тюменских, уральских социологов, недавно заведовала кафедрой социологии в ТГУ, потому не могла бы сказать, каково базовое образование окружающих тебя социологов твоего поколения?

Базовое образование социологов моего поколения, также как и твоего, в основном не социологическое. В социологии работают историки, филологи, математики, специалисты, закончившие технические вузы, и другие.

Тем не менее, должна отметить, что обучение социологии началось в Тюмени с 1975 г., когда в вечернем университете марксизма-ленинизма был открыт двухгодичный социологический факультет [8]. На нем читались курсы социологии, социальной

психологии, методологии и методики социологического исследования. На факультете учились работники социальных и социологических служб, руководители предприятий, отделов и организаций, аспиранты и преподаватели из различных вузов города. В 1976 г. был создан Тюменский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации. Первым его председателем стал Ю.М. Федоров, а позже К.Г. Барбакова и Г.Ф. Куцев.

В 1988 г. в Тюменском государственном университете появилась кафедра экономики и социологии труда (позже социологии и социального управления), которую курировал Г.Ф. Куцев (с 1981 г. ректор данного вуза).

В Тюменском индустриальном институте и в Тюменском государственном университете были созданы социологические лаборатории, занимающиеся крупными исследовательскими проектами (например «Человек на Севере»).

В период социально-экономических реформ отделы, занимающиеся промышленной социологией в регионе, в большинстве были разрушены. Так, к началу 1990-х не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятиях города. Сохранилась лишь вузовская социология, хотя и ориентированная в большинстве на практические региональные проблемы и нужды.

В Тюменском государственном университете в 1991 г. был открыт первый Совет по защите диссертаций, а затем – кафедра экономической социологии. В настоящее время подготовка профессиональных социологов осуществляется также и в Тюменском государственном нефтегазовом университете. И в том, и в другом университетах открыта аспирантура, докторантура, работают Советы по защите кандидатских и докторских диссертаций.

В 1997 г. был создан региональный институт прикладных социологических исследований (возглавил доктор социологических наук А.Н. Силин). В 2002 г. в Тюменском нефтегазовом университете был открыт институт гуманитарных исследований с сектором социологических исследований (возглавила его доктор социологических наук В.В. Гаврилюк). Сегодня в тюменских университетах издаются журналы – «Вестник Тюменского государственного университета» (ТюмГУ) и «Социология. Экономика. Политика» (ТюмГНГУ), включенные в перечень ВАК РФ.

В Тюменской областной Думе работает информационно-аналитическое управление. Оно осуществляет мониторинговые исследования социально-экономического развития и социального самочувствия населения региона. В настоящее время ученые региона работают над проектом гуманитарного и социологического форума.

Насколько хорошо ты знакома с социологами твоего поколения, работающими в Москве, Петербурге, в других регионах?

Среди известных мне современных социологов трудно вычленить мое поколение. Однако со многими социологами я знакома по работам, с некоторыми встречалась лично на конференциях различного уровня, о других узнала из Интернета.

Отмечу, что в перестроечное и постперестроечное время непосредственные контакты ученых затруднились по материальным и иным соображениям.

Ты присутствовала на одной из моих лекций, когда я попросил студентов третьего курса ТГУ назвать фамилию хотя бы одного известного современного российского социолога. После затянувшейся паузы кто-то робко произнес: «Питирим Сорокин». Как ты думаешь, в чем причина отсутствия интереса к совсем недавнему прошлому?

Не только студентам, но и новому поколению отечественных ученых мало известно, как складывались научные коллективы в советский и постсоветский период, чем они занимались и продолжают заниматься, какие индивидуальные творческие

идеи до сих пор не востребованы.

В этом плане сегодня можно назвать лишь ваш проект с Д. Шалиным под названием «Международная биографическая инициатива», который знакомит с именами и деятельностью признанных мастеров российской социологической науки, а также небольшую работу В. Радаева, посвященную учителям-основателям экономической социологии в России.

Поэтому считаю и твою сегодняшнюю работу очень актуальной и своевременной. Процесс развития социологии нельзя понять и оценить без учета вклада конкретных лиц, тех, кто олицетворял и продолжает олицетворять ее лично и персонально.

По каким направлениям, разделам социологии ваш факультет готовит специалистов, находят ли ваши студенты работу по специальности?

Раньше наши кафедры готовили студентов по специализациям: социология образования, социология управления, социология рекламы, экономическая социология, сейчас же, в связи с изменениями в образовательном процессе, выпускают бакалавров и магистров социологии.

Поскольку промышленной социологии не стало, наши студенты чаще всего работают в центрах маркетинга, рекламы и пиар, в кадровых службах, а отдельные преподают в вузах.

В одном из интервью социолог твоего поколения сказал, что среди его знакомых, ряд социологов в 90-е годы ушли из науки. Наблюдалось ли подобное в вашем регионе?

Нет, в нашем регионе все происходило наоборот. В 90-х ряд моих коллег (как и я сама) защитили докторские диссертации и пришли в вузовскую науку.

Недавно в петербургском социологическом журнале «Телескоп» ты опубликовала статью о песнях, которые поют в вашей семье? Это у тебя отдельная «наболевшая» тема или часть более крупного замысла?

Это часть более крупного замысла, связанного с глубинным изучением человеческого мира. Отмечу, что центр интересов социологии в последнее время резко меняется. Все определеннее говорится о рождении новой или «третьей социологии», социологии социальной экзистенции (социального существования).

Как справедливо отмечал В. Голофаст, поскольку социология сегодня вынуждена активно развивать связи с другими науками и практическими видами социокультурной деятельности, ей нужно значительно расширять свою источниковедческую базу, а в частности, обращаться к личным текстам [9].

Процесс погружения в слои жизни человека требует поиска особых инструментов глубинного анализа индивидуального – новых методов качественного анализа.

Поэтому свою работу, с твоей помощью, я назвала «Обращение к себе» (в данном названии я использовала фразу из твоего письма). Я обращаюсь к «житийному», документальному, мемуарному жанрам, биографиям, судьбам, именам, а также человеческому или «очеловеченному» пространству, месту и времени. Однако для меня не менее важно и интересно изучение песен, которые пелись или поются сегодня в семьях, дневников, рецептов семейной кухни, семейных альбомов, устойчивых семейных высказываний и выражений (социокультурный опыт людей кодируется не только в мимике, жестах, телодвижениях, но и в словах, выражениях).

Обозначенная проблематика пока не стала предметом специального научного рассмотрения. Здесь необходим и серьезный теоретический анализ, и эмпирические исследования. Конечно, новые подходы не обесценивают старые, а, наоборот, добавляются к ним, развивая и обогащая социологическое видение.

Безусловно, важна историко-культурная ценность найденных личных текстов,

а также их экзистенциальная значимость. Но этим их ценность не исчерпывается. Погружение в личностный мир дает возможность проникнуть в мир повседневной жизни простого человека, понять социальный контекст его надежд, представлений и ожиданий. Отмечу, что тема повседневности уже прочно вошла в сферу современного исследовательского интереса и обросла собственной традицией. Так, для изучения повседневности создала оригинальную методологию «чтения человеческих документов» Н.Н. Козлова, когда сопоставляла социально нормированный язык с ненормированной повседневной речью.

Особое значение имеют архитипические, подсознательные аспекты исследуемых текстов. Культурно-символические структуры возникают как богатые и сложные смыслы, имеющие скрытый характер.

Изучаемые мною материалы дают примеры живого текста, а также и живого языка, нередко утраченного, забытого. Это и изучение речевых жанров, обыденной речи, которое всегда оставалось на периферии.

Особую роль играют и социокультурные контексты, выражающие смысл процессов и событий, происходящих в обществе, таких, например, как смена социальных структур, политических систем, социальных технологий.

В таком подходе к личным документам соединяются воедино творческий и научный подходы, что может стать «уникальным шансом» [10] для развития социологии.

Какое место ты могла бы отвести в российской социологии религиозным социологическим направлениям, в том числе – православной социологии?

Это еще один спорный вопрос, дискутируемый сегодня российскими учеными.

Религиозная социология предполагает исследование социальной реальности с религиозных позиций, при условии использования строго научных социологических методов познания. Вместе с тем, современная социологическая наука не имеет необходимого набора познавательных средств для изучения иррациональной компоненты религиозной жизни.

Тем не менее, на мой взгляд, появление религиозной социологии это, прежде всего, напоминание о полипарадигмальности современной науки. Это и попытка научного исследования с учетом религиозного опыта, религиозной (в том числе православной) точки зрения. На первый план выступает духовное бытие общества, сфера отношения человека к Богу (общение человека с Богом, жизнь в Боге).

Православная (христианская) социология имеет своим источником русскую религиозную социально-философскую мысль (С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.). Христианским социологом был во многом и П.А. Сорокин. Среди современных ученых-социологов, развивающих направление религиозной социологии, я могу назвать В.А. Бачинина и И.П. Рязанцева.

Я думаю, что религиозная социология расширит возможности социологии, введет в нее большое количество неизученной или неучитываемой ранее информации, заключающейся в изучении связей человека и Бога.

Юля, ряд моих вопросов были из тех, что расположены «по самой кромке от взрывной воронки», но ты не уклонялась и от ответов на них. Спасибо тебе за беседу.

Литература

1. Зотов-Матвеев Н.Д. Образование и духовность. Русская линия <<http://rusk. Ru/autor.php.7dau=9347/>>.
2. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая

половина XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1979/ С.13.

3. Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. 1858, №№ 50, 51, 52.
4. Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность/ Пер. с фр. СПб.: 1903. С. 98.
5. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997.
6. Вычугжанин А., Отрадных О. История банковского дела Тюменской области. Тюмень: Слово, 2004. С 439.
7. Астафьев В. Жизнь прожить. М.: Современник, 1986. С 234.
8. Гаврилюк В.В. Тюменские социологические практики // СОЦИС, 2009, №3. С. 148–150.
9. Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб: Алетейя, 2006. С. 279–280.
10. Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос, 2007. С.74.